

Виктор ЗАСЛАВСКИЙ

Постсоветский этап изучения тоталитаризма: новые направления и методологические тенденции

Для истории исследований тоталитаризма было бы любопытно установить, существовало ли в СССР формальное цензурное запрещение использовать термин "тоталитаризм" и как это обосновывалось. Не подлежит сомнению, что не только слово, но и содержание споров, идущих «на Западе по поводу концепции тоталитаризма, было известно в Советском Союзе, понятие же использовалось в неформальных коммуникациях и текстах, не предназначенных для публикации. Так, В.Вернадский писал в своем дневнике в 1941 г. о советском «"тоталитарном государстве", где, как в Германии и Италии, диктатура и жестокий полицейский режим, но резко отличающемся от них тем, что его "идеалы — лозунги вселенские"». Сталин же в 1947 г. в беседе с Г.Стаassenом назвал "тоталитаризм" ругательным словом. После падения Советского Союза поток ругательных слов — от матерных до "тоталитаризма" — захлестнул печать. В российской публицистике "тоталитаризм" стал использоваться где надо и где не надо, что грозило девальвацией термина. Российская академическая наука, однако, отнеслась более чем сдержанно к новой возможности вести конкретные исследования тоталитарных режимов, включая советский. Уровень враждебности к таким попыткам остался высок**. Характерным для того времени был призыв историка А.Сенявского к собратям по профессии не впадать в панику, услышав слово "тоталитаризм": «К термину "тоталитаризм" надо относиться спокойно, как к рабочему инструменту, не преувеличивая и не приуменьшая его значение»***. Не менее характерным является и примечание редакции журнала "Отечественная история" к статье И.Павловой "Современные западные историки о сталинской России 30-х годов", в которой прослеживалась роль тоталитарной модели в западных исследованиях сталинского периода: "Редакция, не всегда соглашаясь с оценками тех или иных авторов, не считает возможным подвергать их материалы какой-либо серьезной правке. Этого принципа мы будем придерживаться и впредь"****. Похвальное намерение воздержаться от предвзвешенной цензуры надо всячески одобрить, хотя и нельзя не выразить сочувствие тем историкам, которым до конца 1998 г. случилось представлять в журнал работы, мнения авторов которых не совпадали с мнением редакции. Могу предположить, что враждебность к концепции тоталитаризма при изучении советской истории, широко распространенная среди российских исследователей, отражает не столько глубоко продуманную теоретическую позицию, сколько редкостную стабильность исследовательского корпуса ученых в академических институтах, где уход на заслуженную пенсию или преждевременная смерть остаются главным механизмом персональных изменений в постсоветский период.

В последнее время ситуация в области изучения тоталитарных систем в России начинает меняться к лучшему.

* Вернадский В. "Коренные изменения неизбежны..." Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5.

** Ср. главный вывод коллективной монографии: "Выраженные нами сомнения относительно продуктивности применения в исторической науке политологической модели тоталитаризма в значительной степени подтвердились" (Дамье В., Дабкин Я. Феномен тоталитаризма // Тоталитаризм в Европе XX века: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 499).

*** Отечественная история. 1995. № 5. С. 207.

**** Там же. 1998. № 5. С. 121.

Появляются теоретические исследования сталинского периода, основанные на глубоком изучении ранее недоступных архивных источников, в которых авторы, не ограничиваясь анализом советского общества, вплотную подходят к сравнительному анализу таких важнейших аспектов тоталитарных систем, как их внешняя политика, репрессивный аппарат, организация экономики и политической власти. Их авторов объединяет общее понимание тоталитаризма как теоретической программы, направляющей конкретные исторические и социологические исследования нацифашистских режимов и советского общества в сталинский и постсталинский периоды, отношение к тоталитаризму как концепции, обеспечивающей инструментарий для интерпретации их результатов. Это понимание выводит авторов этих работ на самый передовой уровень междисциплинарных сравнительных социально-политических исследований*.

Анализ социальных систем XX в., принадлежащих к так называемому "тоталитарному семейству", в которых партия—государство сосредоточивает в своих руках всю полноту политической, экономической и нормативной власти, приобретая тем самым невиданный ранее контроль за членами общества и материальными ресурсами, до сих пор остается одной из главных задач социальных наук.

Существует бесчисленное множество исследований фашизма, нацизма и обществ советского типа, которые анализируют их, используя исторический, социологический и политологический подход, не прибегая к сравнительному методу и вроде бы не нуждаясь в концепции тоталитаризма.

Но исследователи платят немалую цену за такую методологию. Отказ от сравнительного метода не только ограничивает возможности крупных исторических обобщений, касающихся типологии и закономерностей функционирования сходных социополитических образований, но часто ограничивает способность исследователя к глубокому проникновению в природу даже того конкретного общества, которым он занимается, способствует провинциализму и приводит к тривиальным результатам.

В предыдущих номерах "Мониторинга" Л.Гудков, основываясь преимущественно на немецкой литературе, провел детальный анализ исторического развития концепции тоталитаризма. Следуя логике моей статьи, вполне достаточно сказать, что традиция сравнительного анализа тоталитарных режимов насчитывает уже три четверти века, в этом временном отрезке можно выделить три больших периода. Первый период характеризуется накоплением эмпирических наблюдений и выделением иногда бросающихся в глаза, а иногда далеко не очевидных общих признаков тоталитарных режимов. Он начинается сразу же после фашистского "похода на Рим", когда уже в начале ноября 1922 г. автор статьи в "Коммунистическом Интернационале" подчеркнул, что и фашизм, и большевизм разделяют общие методы борьбы, они не заботятся о том, легальна или противозаконна, демократична или нет та или иная акция, и готовы на нарушение любых законов, чтобы достичь желаемого результата**. Эту же точку зрения обосновывает Н.Бухарин в своем известном выступлении на XII съезде партии в апреле 1923 г. В начале 30-х годов итальянские антифашисты, издающие в

* Ни в коей мере на претендуя на сколько-нибудь представительный список этих работ, хочу сослаться на несколько недавних публикаций: Павлова И. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск: СО РАН, 2001; Восточная Европа между Сталиным и Гитлером, 1939-1941 / Под ред. В.Волкова, Л.Гибанского. М.: Индик, 1999; Гудков Л. Тоталитаризм как теоретическая рамка: Попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 5; 6.

** Die Kommunistische Internationale. 1922. N 4. Vol. 11.

парижской эмиграции журнал, публикуют серию статей, в которых подчеркивают "очевидное сродство" террористических режимов Сталина и Муссолини, а после прихода к власти нацистов расширяют свой анализ, в частности, статьей Лионелло Вентури, в которой он подчеркивает, что "явные различия между тремя режимами не должны препятствовать пониманию глубинного сходства этих репрессивных диктатур, озабоченных в первую очередь подготовкой войны"*.

Этот первый период закончился в начале 50-х годов созданием знаменитых синтезов Х.Арендт и К.Фридриха и Э.Бжеззинского, в которых был проведен глубокий феноменологический и институциональный анализ "тоталитарного синдрома" и сконструирована тоталитарная модель, которой в реальности в наибольшей степени соответствовали нацистская Германия и послевоенное сталинское общество.

Хрущевская десталинизация и резкое ослабление роли массового террора в Советском Союзе и странах Восточной Европы знаменуют начало второго большого этапа в истории тоталитаризма и его исследований. Тоталитарная модель становится объектом ожесточенной критики за неспособность предвидеть эти эпохальные изменения и объяснить эволюцию советского общества. Теория тоталитаризма в первое десятилетие после войны, когда Запад столкнулся с растущей агрессивностью сталинской внешней политики и должен был мобилизовать все свои ресурсы для проведения политики "сдерживания" вполне реального экспансионизма советской системы, широко применялась в период ведения "холодной войны" как инструмент сплочения и мобилизации стран Запада. Это ставило политологов и историков, использующих концепцию тоталитаризма, в крайне неудобное положение исследователей, имеющих дело с идеологически заряженными, оценочными категориями и тем самым жертвующих беспристрастностью научного исследования.

Десталинизация, интерпретированная как конец тоталитаризма (и как системы, и как концепции), была использована американскими "ревизионистами" и просоветскими силами в Европе для идеологического реванша. Широкое распространение получают теории индустриального общества, в которых сталинский режим описывается в понятиях и категориях «реализации процесса "догоняющей модернизации"». Сторонники этой точки зрения прогнозируют, что советское общество быстро избавится от сталинских эксцессов и конвертируется в новое индустриальное общество будущего вместе с либеральными демократиями, которым для этого, правда, придется усилить плановое начало в экономике. В наиболее тяжелом положении оказались исследователи тоталитаризма в таких европейских странах, как Франция и Италия, где существовали мощные, хорошо организованные коммунистические партии, пропагандистская работа которых в значительной мере финансировалась и координировалась из Москвы. Коммунисты в этих странах не без успеха проводили политику "культурной гегемонии", теоретически проработанную еще Грамши, и достигли значительного контроля за университетами, издательствами, средствами массовой коммуникации. Совместными усилиями советского пропагандистского аппарата и организаций пропаганды международного коммунистического движения удалось ослабить или просто подавить память о периоде тесного сотрудничества сталинского и нацифашистских режимов в 1939-1941 гг. В коммунистической историографии антифашизм превращается в ведущую категорию

* *La Forest (Venturi L.). Tre dictature. // Quaderni di Giustizia e Libertà. 1935. N 12.* Автор — в будущем известный искусствовед и отец Франко Вентури, создавшего фундаментальное исследование русского народничества.

при анализе современного исторического процесса и отождествляется с самой демократией. Благодаря этой несложной процедуре сталинский режим автоматически попадает в защитники демократии; философы и политологи, подобные Р.Арон, указывающие, что антифашизм — это частный случай более общей категории антифашистского тоталитаризма, что он не может заменить собой идею сопротивления тоталитаризму, объявляются реакционерами на службе американского капитала, если не просто неофашистами. "Лучше ошибаться вместе с Сартром, чем быть правым вместе с Ароном", — эти слова главного редактора влиятельного издания "Нувель Обсерватер" Ж.Даниэля могут на первый взгляд показаться лозунгом воинствующего идиотизма, но на самом деле выражают циничский реализм руководителя массмедиа, знающего, что в условиях коммунистической культурной гегемонии Сартр продается лучше, чем Арон. Подавление венгерской революции, кубинский кризис, оккупация Чехословакии вместе со все более заметным упадком советской экономики и снижением уровня жизни населения в СССР тем не менее приводят к постепенному отрезвлению западной левой интеллигенции и возвращению интереса к исследованию тоталитарных режимов.

В этот же период теоретики тоталитаризма, подтверждая значительную аналитическую и эвристическую ценность самой концепции, сосредоточивают усилия на методологическом обновлении теории тоталитаризма. Тоталитаризм как модель, как описание социально-политической реальности позднего периода сталинизма начинает использоваться как концептуальный инструмент, как "относительная, а не абсолютная конструкция"*, как веберовский идеальный тип, необходимый для описания и интерпретации тоталитарных тенденций в разных обществах, "которые могут анализироваться на основе их приближения или отхода от идеального типа тоталитарного общества".** Тем самым теряла почву под ногами примитивная критика концепции тоталитаризма, утверждавшая, что тоталитарные режимы не существуют, ибо ни один из них так и не добился абсолютного контроля за обществом. Тоталитаризм как концептуальная конструкция, как измерительный инструмент стал мощным импульсом для сравнительного анализа тоталитарных режимов, выявления характеристик, наиболее значимых и перспективных для дальнейшего изучения подобных обществ, а также установления причинных и функциональных связей, объясняющих их сходства и различия. Институциональный анализ тоталитаризма, т.е. углубленное исследование социальных институтов и политики этих режимов — их правящих партий, систем "партия—государство", методов экономического контроля, репрессивных органов, цензуры, военно-промышленных комплексов, концентрационных лагерей, — до сих пор остается наиболее развитым и распространенным методом сравнительного анализа тоталитарных систем.

Крушение советской системы, сопровождавшееся развалом советской империи и дезинтеграцией Советского Союза, открыло новый, третий этап в тоталитарных исследованиях. В отличие от своих предшественников современные исследователи тоталитаризма находятся в привилегированных условиях, по меньшей мере, по трем причинам. Прежде всего теперь можно анализировать полный цикл эволюции советской системы, которая завершила свою траекторию, не оставив больше места спекуляциям относительно ее реформируемости и возможной конвергенции с либеральными демократиями. Кроме того, после развала советской системы перед политолога-

* *Friedrich C. Totalitarianism: Recent Trends // Problems of Communism. 1968. May—June. P. 43.*

** *Brown A. Soviet Politics and Political Science. L.: Macmillan 1974. P. 37-38.*

ми и социологами открылись возможности проведения эмпирических исследований, тогда как историки получили доступ к богатейшим архивам и другим историческим источникам, что позволяет исследователям советской системы достичь уровня фактических знаний, который ранее был доступен только исследователям нацизма и фашизма. Раньше закрытость советской системы приводила к объективному неравенству объема и степени верифицируемости информации, доступной исследователям разных типов тоталитаризма; теперь же ученые, занимающиеся советской системой, могут вести сравнительные исследования на равных. Наконец, с завершением "холодной войны" и развалом международного коммунистического движения концепция тоталитаризма перестала служить инструментом мобилизации против коммунистической идеологии и экспансии, в результате чего исследования тоталитарных систем вышли из сферы политической борьбы и развиваются в общественной обстановке, благоприятствующей сравнительному мультидисциплинарному анализу феномена "тоталитаризма". Сомнения в интеллектуальной необходимости и научной легитимности такого анализа не являются больше серьезным препятствием, и работы по тоталитаризму множатся не только в англосаксонских странах и Германии, где они опираются на солидную историографическую и социологическую традиции, но и во Франции, Италии, странах Восточной Европы и в России.

Третий этап в развитии тоталитарных исследований, начавшийся где-то в середине 90-х годов, по моему мнению, отличается от двух предыдущих: а) характером организации научной работы и представления публике ее результатов; б) введением некоторых новых методологических принципов; в) появлением новых тем и направлений исследования, которые по разным причинам не были раньше в центре исследовательского внимания.

Среди преобладающих форм организации научной работы значительную роль сыграли прямые общественные дебаты между учеными-протагонистами тоталитарных исследований предыдущего периода, представляющими различные национальные школы, и широкое обсуждение их результатов в средствах массовой информации*. Другой важной формой организации исследований является создание хорошо подобранных групп исследователей, принадлежащих к различным научным дисциплинам и национальным традициям (и представляющих часто весьма различные точки зрения), и публикация коллективных монографий, не только не претендующих на последнее слово в дискуссии, но открыто подчеркивающих дискуссионный характер проблемы**. В условиях резкого усиления инте-

* Характерным примером может служить дискуссия между крупнейшим французским исследователем коммунистической доктрины Ф.Фюре и автором широко известных и весьма спорных работ по тоталитаризму Е.Нольте в журнале "Commentaire", материалы которой опубликованы в виде отдельной книги (Furet F., Nolte E. Fascisme et Communisme. P.: Plon, 1998). В 1996 г. я был организатором и модератором открытой дискуссии в Риме между Ф.Фюре и крупнейшим исследователем итальянского фашизма Р. де Феличе, которая широко освещалась в итальянских и европейских средствах массовой информации. Обоих ученых, к сожалению, уже нет в живых.

** Здесь следует упомянуть работы: Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison / Ed. I.Kershaw, M.Lewin. Cambridge University Press, 1997 (статьи R.Suny, H.Mommsen, M.Mann, B.Bonwetsch, M. von Hagen и др.); Nazismo, fascismo, comunismo. Totalitarismi a confronto / A cura di M.Flores. Milano: Bruno Mondadori, 1998 (статьи Z.Bauman, CPavone, Tz.Todorov, V.Zaslavsky, A.Brosat, E.Traverso, S.Lukes и др.); Stalinisme et nazisme. Histoire et mémoire comparees / Ed. H.Russo. Bruxelles: Editions Complexe, 1999 (я буду цитировать итальянский перевод этого сборника: Stalinismo e nazismo. Storia e memoria comparate / A cura di H.RUSSO. Bollati Boringhieri, 2001, в частности, статьи Ph.Burrin, N.Werth, A.Paczkowski, P.Hassner, K.Pomian и др.).

реса к проблеме тоталитаризма, вызванного, в свою очередь, необходимостью понять причины крушения систем советского типа и трудностей, испытываемых посттоталитарными странами в переходный период, научные споры и дебаты не ограничиваются академической средой, а становятся достоянием широкой общественности и средств массовой коммуникации и служат осмыслению исторического опыта XX в.

Признание научной законности сравнительного анализа нацизма, фашизма, сталинизма и других режимов не означает автоматического признания необходимости метатеоретической и междисциплинарной концепции тоталитаризма. В конце концов сопоставление подобных политических режимов и социальноэкономических систем может вестись и без использования этой концептуальной конструкции, этой идеально-типической категории. Сравнительный анализ нацизма и сталинизма при полном неприятии категории "тоталитаризм", безусловно, возможен, но, как я уже упоминал выше, результаты такого исследования слишком часто настолько поверхностны и банальны, что вызывают подозрение не только в плодотворности такого метода, но и в использовании результатов в политических целях. Приведу для примера недавнюю статью С.Виткрофта, посвященную классической для исследований тоталитаризма теме сравнения природы и масштабов немецких и советских репрессий и массовых убийств, в ней выражается неодобрительное отношение к термину "тоталитарная школа", который упоминается лишь один раз и практически не используется*. Начав с утверждения, что "Гитлер явно был антисемитом", а "Сталин явно терпеть не мог группы, которые были не согласны с его идеей о том, что надо делать", С.Виткрофт намеревается объяснить, "как эти личные идиосинкразии индивидуумов (и групп вокруг них) превращались в действия, которые вовлекали государство в массовые убийства беспрецедентных масштабов". Автор, безусловно, знал, что массовый террор может быть связан "с характером общества, современной технологией, идеологией и бюрократией", но его объяснение идет по пути тонкой семантической дифференциации. Он утверждает, что «...категория "государственно-организованное намеренное причинение смерти"» может быть разделена на две: "государственно-организованное намеренное причинение смерти (executions)" и "государственно-организованное убийство (murder)" и что смерти, вызванные Гитлером, скорее попадают под категорию "убийство", а Сталиным — под категорию "причинение смерти". После анализа доступной архивной документации и недавних публикаций С.Виткрофт приходит к следующим выводам: во-первых, "сталинский режим, вероятно, вызвал преждевременную смерть большего количества людей, чем гитлеровский, но это не значит, что он намеренно убил больше людей"**. Во-вторых, "Гитлер намеренно убил, по крайней мере, пять миллионов невинных людей", тогда как "Сталин может быть обвинен в убийстве около одного миллиона людей". В-третьих, согласно С.Виткрофту, "Сталин, вероятно, предполагал, что многие из его жертв были виновны в антигосударственных преступлениях и что смерть других послужит предостережением виновным. Он подписывал бумаги и настаивал на документации. Гитлер же, напротив, хотел избавиться от евреев и коммунистов просто потому, что они были евреи и коммунисты. Он не был озабочен претензиями на легальность"***. С.Виткрофту, безусловно, не присуще чувство юмора, да и намерения его достаточно серьезны. Попросту говоря, он пытается

* Wheatcroft D.S. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930-1945 // Europe-Asia Studies. 1996. N 8. P. 1319-1353.

** Ibid. P. 1319, 1349.

*** Ibid. P. 1320-1321, 1348.

доказать что несчастный кулак, погибший в лагере на принудительных работах может считаться жертвой сталинизма, тогда как смерть его ребенка из-за потери кормильца должна проходить по категории "преждевременная смерть" и не должна учитываться при проведении сравнения преступлений нацизма и сталинизма. Кроме того, Сталин, исходя из субъективных соображений, считал, что он вправе развязывать террор против "врагов народа", тогда как Гитлер убивал евреев без всякого рационального оправдания, просто потому, что они ему не нравились. Пример С.Виткрофта показывает, что отсутствие какой-либо методологии сравнительного анализа в сочетании с запрограммированным отказом от использования концепции тоталитаризма приводит в лучшем случае к тривиальным и в худшем — к ничем не обоснованным выводам, компрометируя сравнительный метод. Главный же недостаток такого типа рассуждений, как заметил польско-французский историк К.Помян, состоит в том, что сам спор между двумя сторонами, утверждающими, что советский режим был хуже, ибо в итоге привел к большему числу жертв, или что нацизм был хуже, ибо уничтожал евреев, вызываясь аморален, ибо "сравнительная тривиализация", вытекающая из попытки во что бы то ни стало определить, "кто был хуже, а кто — лучше", смазывает факт, что все тоталитарные режимы склонны к геноциду и доказали это на практике*.

Ряд историков, которые прежде относились враждебно к концепции тоталитаризма, либо не принимая ее идеологически, либо настаивая, что история по самой природе изучает явления уникальные и неповторимые, а потому и не нуждается в концепциях такого рода, перешли в последнее время на позицию ее полуприятия. Так, И.Кершоу и М.Левин считают, что различия между нацизмом и сталинизмом настолько превалируют над их сходством, что "нацистский и сталинский режимы, несмотря на поверхностное сходство, в основе своей различны**". Единственный смысл тоталитарного подхода они видят поэтому в том, что он позволяет с особой убедительностью показать "историческую уникальность" этих режимов. И.Кершоу аргументирует этот тезис, например, тем, что "нацизм — это единственный пример тоталитарного режима, возникшего в стране с развитой индустриальной экономикой и демократической политической системой, тогда как в таких случаях, как Советский Союз, Китай, Северная Корея и Куба, тоталитарные режимы возникли в условиях бедных стран с отсталой аграрной экономикой и при отсутствии какой-либо традиции политического плюрализма***. Как мы увидим ниже, это справедливое соображение отнюдь не ослабляет концепцию тоталитаризма, а наоборот, служит указанием для поиска глубинного сходства нацизма и сталинизма и помогает понять, что к тоталитаризму можно прийти, следуя разным эволюционным траекториям. И.Кершоу и М.Левин признают, что использование понятия "тоталитаризм" только для того, чтобы продемонстрировать специфичность и уникальность конкретных режимов, относящихся к этому политическому семейству, практически отказывает этой концепции в праве на существование. Они вводят понятие "общей почвы" (common grounds), на которой возникли режимы в России и в Германии. В качестве таковой рассматривается прошлое этих стран (авторитарных монархий, обладающих мощной государственной бюрократией, военными традициями, проигравших мировую войну и травмированных этим опытом).

* Pomian K. Postscriptum sul concetto di totalitarismo e sullo quello di regime comunista // *Stalinismo e nazismo*. P. 332-342.

** *Stalinism and Nazism*... P. 12, 88-96.

*** *Kershaw I. Retour sur le totalitarisme. Le nazisme et le stalinisme dans une perspective comparative // Esprit*. 1996. N 1. P. 114.

Но происхождение фундаментальных различий, постулируемых И.Кершоу и М.Левиним*, остается непроясненным. В этом смысле они получили от теории тоталитаризма лишь "отрицательный импульс, принимая ее только для того, чтобы продемонстрировать, что на самом деле историческая реальность была совершенно иной, и не пытаюсь понять эвристической ценности этого понятия для исторического исследования"***.

Отказ от концепции тоталитаризма при сравнительном анализе нацифашистских и коммунистических систем влечет за собой серьезные трудности для исторического исследования. Во-первых, историография оказывается не в состоянии использовать богатую традицию тоталитарных исследований, опирающуюся на усилия, по крайней мере, трех поколений включенных наблюдателей и ученых. Во-вторых, возводится непроходимый барьер между историей как дисциплиной и социологическими или политологическими исследованиями, для которых понятие "тоталитаризм" — непрменный инструмент анализа новых социальных структур и форм господства, возникших в XX в. В-третьих, простое нахождение различий между нацизмом и сталинизмом, не опирающееся на специальную теорию и не обладающее специальным языком для описания и интерпретации тоталитарных режимов, часто приводит к вульгаризации исторического исследования, что мы уже видели на примере С.Виткрофта.

Как справедливо заметил А.Руссо: "Какова бы ни была степень схожести и различий между тоталитарными режимами XX в., в истории не было примеров, когда бы одновременно возникли две политические системы, отличные от всех, известных нам по историческому опыту, в одном и том же самом континентальном пространстве, на общей почве, чтобы сразу же стать соперниками и затем вступить между собой в войну"****. Подобная общность обстоятельств возникновения тоталитарных режимов в соединении с их радикальной новизной заставляет предположить наличие у них глубинного сходства, которое не может быть исследовано только силами историков, но требует междисциплинарного сравнительного подхода. Опыт исследования тоталитарных режимов приводит к выводу, что при всех очевидных различиях между нацизмом и сталинизмом, существует уровень анализа, на котором их сходство, общие черты становятся существенными и более значительными чем их различия. Концепция тоталитаризма помогает исследователю выйти именно на этот уровень анализа, выявить темы, аспекты и характеристики, наиболее значимые для успеха сравнительного метода, и, что немаловажно в период открытия прежде закрытого общества, позволяет не потеряться в массе новых документов и не быть захлестнутым лавиной новой информации.

Два этапа эволюции тоталитарных систем. Наиболее важным методологическим нововведением современного этапа тоталитарных исследований является растущее сознание необходимости выделять две фазы в эволюции тоталитарных систем: *строительства* (system-building) и *стабильного функционирования* этой системы (system-maintenance). Это достаточно традиционное требование социального анализа до сих пор последовательно не применялось к исследованию тоталитарных режимов по очевидным причинам. Нацифашистские режимы так и не вышли из первой фазы и, потерпев поражение во Второй мировой войне, были разрушены. В случае же советской

* *Stalinism and Nazism*... P. 4-5, 25.

** *Burrin Ph., Werth. N. Presentazione // Stalinismo e nazismo*... P. 38.

*** *Russo H. La legittimita di una comparazione empirica // Stalinismo e nazismo*... P. 27.

системы, длительный и углубляющийся кризис которой был очевиден, никто не ожидал ее мгновенной дезинтеграции, и споры между теми, кто утверждал, что она достигла стадии принципиальной нерепарированности, и теми, кто надеялся на благодетельные реформы, продолжались даже после падения Берлинской стены. Советская система прошла все фазы жизненного цикла: от рождения и формативного периода, далее — сравнительно стабильного функционирования, длившегося в течение трети века, до резкого обострения кризиса и финального коллапса. Ее изучение позволяет удовлетворить методологическую предпосылку, от которой зависит успех сравнительного исследования тоталитаризма, — различение периода формирования системы и периода консолидации и нормального функционирования зрелой системы.

Выбор объектов сравнения всегда был принципиальной проблемой для тоталитарных исследований. "Можно ли проводить серьезное сравнение между гитлеровской Германией, Советским Союзом времен Хрущева или Брежнева и режимом Фиделя Кастро?"* От ответа на подобный вопрос зависят эвристическая ценность и научная легитимность концепции тоталитаризма и самого сравнительного подхода для изучения тоталитарных режимов. В этом убедила комиссия бундестага по изучению последствий нацистской и коммунистической диктатур в Германии, работавшая в середине 90-х годов и пытавшаяся провести прямое сравнение между Третьим Рейхом и коммунистической Восточной Германией. Результаты работы этой комиссии, изданные в 18 томах, стали неопровержимым доказательством тезиса, что сравнение между двумя тоталитарными режимами, один из которых находится в становлении, а другой представляет зрелую систему, работающую в нормальном ритме, мало плодотворно**.

Парламентская комиссия собрала огромный материал, показывающий, например, что интенсивность террора при нацизме и сталинизме была на несколько порядков выше, чем в постсталинском Советском Союзе или Восточной Германии. Также комиссия представила многочисленные доказательства тому, что консолидированные режимы используют тюремное заключение и время от времени даже совершают убийства диссидентов, применяют такие методы, как ссылка, высылка из страны, увольнение с работы, ограничения в получении образования, практикуют массовую слежку за населением, но больше не используют массовый террор как средство повседневного управления. Капиллярный контроль за населением Восточной Германии приобрел массу преимуществ в тщательности и настойчивости реализации его в повседневной жизни, но утратил черты жестокости и кровавости***. Тот факт, что одна часть Комиссии и ее консультантов использовала эти данные как явное доказательство, что управление и нацистской Германией, и Восточной Германией осуществлялось тоталитарными режимами, тогда как другая часть с не меньшей настойчивостью доказывала, что режим Восточной Германии не имел отношения к тоталитаризму, продемонстрировал необходимость новой теоретической и методологической работы. Выход из теоретического тупика, в который зашли дебаты, можно найти именно в необходимости различения между периодами становления и стабильного функционирования

* Stalinismo e nazismo... P. 20.

** Materialien der Enquete-Kommission "Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland". Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. Bd. 1-18.

*** См. особенно: Bd. 2: Zwei Diktaturen in Deutschland // Materialien der Enquete-Kommission. "Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland"; см. также: *Mater Ch. Dissolution. The Crisis of Communism and the End of East Germany*. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 314-316.

зрелой тоталитарной системы. Сравнение последовательных фаз существования одного и того же тоталитарного режима позволяет проследить его историческую эволюцию, а для разных тоталитарных режимов, находящихся на одной и той же стадии развития, дает возможность исследовать как их сходство, так и различия и попытаться найти тому верифицируемое объяснение. Поскольку фашистский и нацистский режимы были разрушены еще до того, как они могли выйти на стадию "нормального" функционирования, анализ функционирования и дегенерации режимов советского типа становится принципиальным направлением современных тоталитарных исследований.

Институциональный и системный анализ в исследованиях тоталитаризма. На нынешнем этапе изучения тоталитаризма исследователи стоят перед новой задачей, которая может быть определена и как новое направление работы, и как новое методологическое требование: *институциональный анализ тоталитаризма должен быть дополнен и обогащен системным анализом*. До сих пор главным направлением сравнительного изучения нацизма, фашизма и сталинизма был анализ их социальных институтов, политики и практики в различных сферах — сравнительное исследование правящих партий, систем "партия—государство", методов контроля за экономикой, деятельности репрессивных органов, органов цензуры и пропаганды, роли армий и концентрационных лагерей. Главным достижением этих исследований стала демонстрация того, что при всех различиях в идеологии и радикальной разнице представлений о желаемом обществе и мировом порядке будущего институциональные структуры тоталитарных режимов на стадии их формирования были весьма схожи, вплоть до тождества некоторых центральных институтов. Наиболее обещающим направлением исследований сегодня является не просто выделение и изучение наиболее значительных черт, характеристик и институтов тоталитарных режимов, а системное описание и интерпретация их как совокупности характеристик взаимосвязанных и взаимозависимых институтов, анализируемых с точки зрения их необходимости и достаточности для репродукции тоталитарной системы. Это методологическое требование всегда стояло перед исследователями тоталитаризма, но они могли его реализовать только частично из-за трудностей получения информации и невозможности ведения полевых исследований в закрытых обществах.

В моей работе я всегда определял систему советского типа как военно-индустриальное общество, как совокупность следующих существенных черт или характеристик, взаимосвязанных, взаимодополняющих и взаимоусиливающих друг друга, которые необходимы для ее воспроизведения: однопартийный политический режим; экономика, основанная на системе центрального планирования; колоссальная милитаризация экономики и всей социальной жизни, являющаяся результатом модернизации особого типа — милитаристской модернизации в закрытом обществе*.

* *Zaslavsky V. The Soviet System and the Soviet Union: Causes of Collapse // After the Empire. Multiethnic Societies and Nation-building / Ed. K. Barkey, M. von Hagen. Boulder: Westview Press, 1997; Idem. Storia del sistema sovietico: l'ascesa, la stabilita, il crollo. Roma: Carocci, 2001. Дж.Херф определил этот тип модернизации как "реакционную модернизацию". Her/J. Reactionary Modernism. Technology, Culture, and Politics in Weimar Germany and the Third Reich. N.Y.: Cambridge University Press, 1984. Суть ее хорошо сформулировал еще Дж.Орвелл (1941): "Порядок, планирование, государственная поддержка науки, сталь, бетон, аэропланы — и все это на службе у идей, соответствующих скорее Каменному веку". *Orwell G. Wells, Hitler and the World State // Orwell G. Collected Essays. L.: Seeker and Warburg, 1961. P. 164.**

Все эти черты характеризуют как периоды формирования, так и нормального функционирования советского общества именно как *тоталитарного общества советского типа*. Резкое ослабление или отсутствие одной из них превратило бы его в систему иного типа, что и случилось с Китаем, где после смерти Мао Цзэдуна была восстановлена рыночная экономика и резко ослаблено центральное планирование. По очевидным причинам огромную роль в становлении советской системы сыграли идеология и массовый террор, значение которых в зрелой советской системе резко ослабевает.

Увидеть необходимые взаимосвязи между основными характеристиками советской системы исторически оказалось сложной задачей. На Западе хорошо помнят послевоенные дискуссии в кругах европейских социалистов, лейбористов и левых католиков, продолжавшиеся еще в 70-е годы. Советский Союз получал высший балл за систему центрального планирования, но критиковался за однопартийную систему и отсутствие демократических свобод, что объяснялось, впрочем, отсталостью политической культуры и тяжелым историческим наследием. Потребовалось значительное время, чтобы понять, что однопартийная система и плановая национализированная экономика не могут стабильно существовать друг без друга. При системе централизованного планирования правящая партия становится партией планировщиков и обретает реальную социальную функцию обеспечения экономической интеграции безрыночного общества, тогда как система центрального планирования, в свою очередь, требует для стабильного функционирования монопартийной политической структуры, ибо, как писал британский экономист Алек Ноув, многопартийность с ее политической борьбой, призывами к массам и альтернативными программами разрушила бы плановую экономику за несколько лет*.

Исследование советской системы с использованием понятия "военно-индустриальное общество" (парадигмы, восходящей еще к работам одного из основателей социологии Г.Спенсера) становится в последнее время одним из самых плодотворных направлений тоталитарных исследований**. Открытие архивов как советских, так и американских, позволило получить материалы, недоступные предыдущему поколению исследователей. Колоссальный уровень милитаризации экономики и всей общественной жизни советского общества получает сейчас эмпирическую и верифицируемую оценку. Советское общество было военно-индустриальным, резко отличающимся от общепринятых представлений об индустриальном обществе, основанном на постоянном технологическом прогрессе и растущей производительности труда.

* *Nove A. Socialism, Centralized Planning and the One-Party State // Authority, Power and Policy in the USSR // Essays Dedicated to Leonard Shapiro / Ed. T.Rigby, A.Brown, P.Reddaway. N.Y.: St. Martin's Press, 1982.*

** Ограничусь ссылкой на несколько значимых книг самого последнего времени, опубликованных на Западе: *Holloway D. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy 1939-1956. New Haven: Yale University Press, 1994 (Холлоуэй Д. Сталин и бомба: Пер. с англ. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997); Gaddy C. The Price of the Past Russia's Struggle with the Legacy of a Militarized Economy. Wash.: Brookings Institution, 1996; Odom W. The Collapse of the Soviet Military. New Haven: Yale University Press, 1998; Samuelson L. Plans for Stalin's War Machine. Tuchachevskii and Military-Economic Planning, 1925-1941, Basingstoke: Macmillan, 1999; Stone D. Hammer and Rifle: The Militarization of the Soviet Union, 1926-1933. Lawrence: University of Kansas Press, 2000; The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev / Ed. J.Barber, M.Harrison. N.Y.: St. Martin's Press, 2000.*

Рынок как механизм, регулирующий производство, потребление и обмен, был убит в советском обществе дважды: в результате уничтожения частной собственности и как следствие приоритетного положения в экономике военной промышленности, которая по самой своей сути и месту в мобилизационном обществе противится рыночному принципу определения стоимости и затрат. Закрытость общества было бы невозможно сохранять столь длительное время без его милитаризации, без постоянного поддержания в нем условий жизни в осажденной крепости.

Здесь необходимо указать на теснейшую связь плановой экономики и милитаризации общества. Кершоу прав, настаивая на том, что к началу 30-х годов Германия как развитое индустриальное общество резко отличалось от полукрестьянского, технологически отсталого Советского Союза. Но во время Второй мировой войны Советский Союз внес главный вклад в разгром держав Оси и сделал это во многом с помощью продуктов собственной военной технологии, вышедших в ряде типов вооружений на самый передовой технологический уровень. Критики планово-централизованной экономики от Б.Бруцкуса до Л. фон Мизеса и Л.Хайека были абсолютно правы в анализе ее дефектов, но не учли одно из ее преимуществ, если тут можно говорить о преимуществах: плановая экономика доказала свою эффективность в быстром превращении сравнительно отсталых аграрных обществ в государства с мощным военно-промышленным комплексом. Все это свидетельствует о том, что на уровне военно-индустриального общества можно "опуститься", переведя экономику развитого индустриального общества на военные рельсы, как было сделано в нацистской Германии, но можно и "подняться" на него с помощью милитаристской модернизации, что было достигнуто сталинизмом.

Общества советского типа на стадии стабильного функционирования характеризуются все той же системой взаимосвязанных и взаимоподдерживающих базовых характеристик и принципов организации, а именно: партия— государство, государственная экономика, управляемая с помощью системы централизованного планирования, военно-промышленный комплекс, занимающий центральное место в экономической и социальной жизни, которые определяют конкретные социальные институты и практики. Идеология и массовый террор на этой стадии теряют системообразующие функции, которые они выполняли на стадии формирования системы. Они не исчезают, но роль их изменяется и в целом снижается, хотя здесь необходимы более детальные исследования и более точный концептуальный анализ. Я полагаю, что утверждение Л.Гудкова, что "тоталитарная идеология крайне важна в период, предшествующий установлению тоталитарного режима, когда она становится консолидирующим и сплачивающим началом для возникающей радикальной партии", но что идеология не является "принципиальным признаком тоталитарных режимов"*, нуждается в серьезном уточнении. В период формирования тоталитарного режима как большевистская, так и нацистская революционные идеологии, обещавшие обновить мир, избавившись от буржуазии, денег, парламентов, партий, "гнилого буржуазного либерализма" или же "декадентских", "еврейско-плутократических" элементов, оказывают огромное влияние на гораздо более широкие массы населения, чем только на сравнительно небольшую группу членов партии. С помощью хорошо организованных аппара-

* *Гудков Л. Тоталитаризм как теоретическая рамка: Попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения... 2001. № 6. С. 26.*

ратов пропаганды и цензуры они охватывают ряд принципиальных групп, особенно молодежь, и группы, находящиеся в состоянии "повышающейся" вертикальной мобильности. Тоталитарные режимы в период своего формирования держатся не только на терроре, но и на массовом консенсусе*. Проблема соотношения идеологии, террора и консенсуса остается одной из центральных проблем тоталитарных исследований. На стадии развитого тоталитаризма идеология подвергается процессу рутинизации и эрозии и теряет свою системообразующую роль, но продолжает оказывать заметное воздействие на политическую элиту общества".

В период становления советского общества насилие было важнейшим организующим принципом системы. Сталинский террор компенсировал недостаток капитала, необходимого для ускоренной модернизации, которую правящая коммунистическая партия объявила своей первоочередной задачей. Насилие, таким образом, было не просто политической, но и макроэкономической категорией. Оно было направлено и на подавление врагов однопартийного режима, но не только; в первую очередь оно — условие мобилизации и принуждения к труду огромной массы плохо или совсем не оплачиваемых работников. Принципиальной характеристикой тоталитарного террора как при нацизме, так и при сталинизме был идеологически обоснованный выбор в качестве объектов насилия целых групп и категорий населения, идентифицируемых по аскриптивным социальным или этническим признакам.

На стадии нормального функционирования системы массовый террор становится потенциально дестабилизирующим фактором и теряет свой системообразующий характер. Важнейшей тенденцией **социальноэкономической** эволюции системы было постепенное замещение насилия материальными стимулами к труду. В результате общество постепенно переставало быть мобилизационным, а его стабильное функционирование достигалось все в большей мере путем социальных компромиссов, через организованный консенсус, когда пассивность и послушание насе-

Здесь хотелось бы напомнить, что резкая идеологизированная критика, которой подверглись работы крупнейшего итальянского историка фашизма Р. де **Феличе**, была вызвана именно тем, что он на огромном документальном материале продемонстрировал, что **режим** Муссолини в **30-е** годы пользовался массовой поддержкой и что **фашистская** идеология играла важную роль и на этом массовом уровне. Любопытно, что лидер коммунистов **П.Тольятти** в частной переписке разделял эту точку зрения, но никогда не высказывал ее открыто. Политический миф об антифашистском характере итальянского **народа**, нашедший отражение даже в послевоенной итальянской **Конституции**, вызвал ядовитое замечание, если не ошибаюсь, **Б.Кроче**, что в таком случае фашистский режим был результатом "нашествия **гиксосов**".

** Интересно с этой точки зрения посмотреть, как один из руководителей советской внешней политики, первый заместитель министра иностранных дел Г.Корниенко объясняет советское решение 1979 г. о вводе войск в Афганистан: «Над **Андроповым**, Громыко, Устиновым и в еще большей мере над Суловым довлело нечто большее, чем забота о безопасности Советского Союза в связи с опасениями относительно возможной замены просоветского режима в Кабуле проамериканским. Роковую роль, как я смог понять, сыграло идеологически обусловленное, по сути своей ложное представление, будто речь шла об опасности "потерять" не просто соседнюю, а "почти социалистическую" страну» (*Корниенко Г.* Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 111). М.Наринский (МГИМО) провел несколько десятков интервью с представителями высшей партийно-государственной и военной номенклатуры СССР в рамках совместного проекта со Стэнфордским университетом "Устная история конца холодной войны" и собрал весьма интересный материал о влиянии идеологии на советскую политическую элиту до последних дней существования Советского Союза.

ления обеспечивались не столько **террором**^{1*}, сколько медленным ростом жизненного уровня. Репрессии против немногочисленных диссидентов стали проводиться с меньшей жестокостью и служить для установления границ дозволенного поведения. Насилие теперь имело более мягкие и менее заметные формы, прежде всего как "диктатура над **потребностями**"^{2*}, как государственная организация всех основных систем стратификации — политической, экономической, национально-этнической и территориальной.

Многие исследователи тоталитарных режимов подчеркивают, что все они характеризовались неразрешимыми противоречиями и несли в себе саморазрушительные тенденции, хотя и между ними в определении этих основных противоречий имелись **расхождения**. Так, социолог М.Манн выводит нестабильность и саморазрушительные импульсы нацизма, фашизма и сталинизма из их неспособности разрешить противоречие между стремлением к перманентной революции, к которой их толкает доминирующая идеология, и необходимостью институционализации господства руководящей **партии**^{3*}. Это противоречие, которое было реальным и существенным на этапе становления тоталитарных режимов, было успешно разрешено в практике постсталинского Советского Союза и постмаоистского **Китая**. Как уже отмечалось, процесс идеологической рутинизации неизменно сопровождается переходом к стадии нормализации зрелого **тоталитаризма**^{4*}.

Если принять тезис о наличии трудно разрешимых внутренних противоречий в тоталитарных системах, которые ведут к саморазрушительным тенденциям, — тезис, который нашел эмпирическое подтверждение в дезинтеграции советской системы под тяжестью собственных противоречий без какого-либо прямого вмешательства извне, — то встает вопрос об идентификации этих противоречий. Ответ на него невозможен без конкретного анализа мировой системы, интегральной частью которой является и соответствующий рассматриваемый тоталитарный режим. Следует признать, что в исторический период, в котором сформировались нацифашистские и сталинский **режимы**, военно-индустриальное общество как форма социальной организации обладало веберовской субстанциальной рациональностью. Политические элиты этих режимов были абсолютно уверены, что война против "объективного врага" неминуема и может быть выиграна. Они сознательно и рационально готовили свои государства к войне, концентрируя на этой цели все свои ресурсы. Этот факт был абсолютно очевиден внимательным наблюдателям уже в середине 30-х годов^{5*}. Лидеры сталинского поколения ни разу не изменили своей твердой увереннос-

1* Хотя насилие всегда оставалось последним аргументом советского режима, важнейшим инструментом, указывающим членам общества, "что может случиться с тем, кто выходит за рамки приемлемого поведения" (*Bahry D., Silver B.* Intimidation and the Symbolic Uses of Terror in the USSR // American Political Science Review. 1987. N 4. P. 1067).

2* *Feher F., Heller A., Markus G.* Dictatorship over Needs. Oxford: Blackwell, 1983.

3* *Mann M.* The Contradictions of Continuous Revolution // Stalinism and Nazism / Ed. I.Kershaw, M.Lewin. P. 135-157.

4* *Jowitt K.* Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // Soviet Studies. 1983. N 3.

5* Как отмечал Дж.Кеннан, будущий создатель политики "сдерживания" коммунизма, наблюдая еще в 1935 г. за развитием советской страны, занимая дипломатический пост в Риге: "В СССР была реализована колоссальная программа военной индустриализации, замаскированная под обычный экономический пятилетний план" (Цит. по: *Hochman J.* The Soviet Union and the Failure of Collective Security, 1934-1938. Ithaca: Cornell University Press, 1984. P. 178).

ти, что третья мировая война неизбежна*. Политические лидеры нового поколения, пришедшие к власти в постсталинский период, были вынуждены признать, что ядерное оружие отнюдь не предназначено только для того, чтобы, "пугать слабонервных", как говорил Сталин, что это не маоцзэдуновский "бумажный тигр", а новая военная технология, которая отрицает войну в качестве метода ведения политики и способа разрешения как внутренних противоречий режима, так и конфликтов между тоталитарным режимом и окружающим миром. В исторический период, когда война становится невозможной, главным образом вследствие технологического прогресса в вооружениях, приводящего к взаимно гарантированному уничтожению обеих сторон конфликта, военно-индустриальное общество теряет как формальную, так и субстанциальную рациональность.

Исторический опыт показывает, что на новой стадии научно-технологической революции военно-индустриальное общество становится нежизнеспособным. Оно наращивает гонку вооружений ради гонки вооружений, готовится к войне, которая невозможна, к отражению нападения, которого так и не происходит. В военно-индустриальном обществе начинается процесс так называемой "контрмодернизации"**, т.е. эволюции, вернее, деволуции, в направлении, противоположном всем известным тенденциям развития индустриального общества, от падения производительности труда и дальнейшего замедления технологического прогресса до повышения детской смертности и сокращения средней продолжительности жизни. На вопрос, был ли момент, когда движение советской системы в направлении социальной дегенерации могло быть остановлено посредством радикальных структурных реформ, ответить можно только предположительно. Думается, что такая возможность была, но маловероятна ее практическая реализация. В советской системе партийная номенклатура, репрессивный аппарат и военно-промышленный комплекс образовывали мощный блок интересов, который в зародыше душил все попытки реформ, неизбежно угрожающие их монополии на власть и привилегиям. В блокировании реформ особенно важно отметить решающую роль военно-промышленного комплекса. Благодаря своему приоритетному положению в системе он обеспечивал заметные привилегии своим работникам, которые в обмен на них с готовностью соглашались на повышенный контроль за их поведением и гарантировали лояльное отношение к режиму. Тем самым группа ученых, инженеров, техников, квалифицированных рабочих по своим характеристикам должна была бы находиться на переднем краю реформистского движения, но они были полностью интегрированы в систему. Крайняя узость социальной базы реформизма в советском обществе детерминировалась еще и двойственным характером советской интеллигенции, которая периодически критикуя режим, одновременно обеспечивала его бесперебойное воспроизводство***.

Перестройка Горбачева послужила мощным катализатором процессов дезинтеграции, хотя нет никакого исторического предопределения в том, что падение Берлинской стены произошло именно в 1989 г., а развал Советского Союза — в 1991 г. Но уже в 80-е годы становилось все яснее, что советская тоталитарная система исчерпы-

вает материальные, энергетические, организационные и прочие ресурсы, необходимые для собственной репродукции. Истощение ресурсов сопровождалось экологическими катастрофами, превращая военно-индустриальное общество в источник повышенной опасности не только для окружающего мира, но и для самого себя.

Память и наследие тоталитарных систем. Американский политолог К.Джовитт заметил, что внезапное "исчезновение ленинских режимов" — крайне необычное явление в социальной истории, аналогии которому можно найти только в истории биологической: оно сравнимо по редкости с какой-нибудь колоссальной биологической катастрофой вроде вымирания динозавров*. Но как выяснилось, тоталитарные режимы XX в. оставили после себя значительное наследство. Они, особенно советская система, благодаря длительности ее существования, были чем-то вроде специфической цивилизации, пусть несовершенной и недооформленной, но со своим необщим выражением, своей легко распознаваемой идентичностью. Они обладали собственным культурным "генетическим кодом", который широко распространился среди населения, выражаясь в специфических ценностях, мотивациях, установках и образцах поведения. Внимание историков современной Европы до сих пор приковано к 12 годам нацистского и 20 — фашистского режимов, а история расцвета, упадка и распада обществ советского типа будут интересовать последующие поколения исследователей. Тоталитарные режимы оставили после себя память о преступлениях и моральном упадке целых наций, совпавшем с периодом неслыханного технологического прогресса, и изучение того, как эти нации выходили из этого состояния и что они извлекли из тоталитарного опыта, становится новым, многообещающим направлением тоталитарных исследований.

Значительное внимание, например, привлекли сравнительные изучения процесса "подавления памяти", который характеризовал посттоталитарный период в Германии, Италии, даже Франции после Виши. История этих стран продемонстрировала политическую, психологическую и моральную цену, которую этим странам пришлось платить в конце 1960-х — начале 1970-х годов в виде молодежных протестов и студенческих бунтов за "синдром Виши" или за "операцию замалчивания" (Beschweigen), т.е. за намеренное молчание о преступлениях и практике насилия в прошлом, которые в период жизни первого послевоенного поколения поддерживали их политики, воспитатели и лидеры общественного мнения**. Страны Восточной Европы демонстрируют сейчас различные типы "политики памяти", от замалчивания прошлого до лустрации, чисток и процессов против организаторов и виновников преступлений режима советского типа***.

В России область советских исследований переживает период взрывного качественного и количественного приращения знания, появляются новые журналы, происходит "архивная революция", организуются интернациональные исследовательские проекты. Возникновение добровольных ассоциаций историков, профессионалов и любителей типа "Мемориал", занимающихся сбором документации и сохра-

* Jowitt K. New World Disorder. The Leninist Extinction. Berkeley: University of California Press, 1992.

** См., например: Russo H. The Vichy Syndrome: History and Memory in France since 1944. N.Y.: Norton, 1991; Schwan G. Politik und Schuld: Die zerstörerische Macht des Schweigens. Fischer Verlag, 1997; Herf J. Divided Memory, The Nazi Past in the Two Germanys. Harvard University Press, 1997.

*** Garton Ash T. The Truth about Dictatorship // The New York Review of Books. 1998. Febr. 19. P. 35-40.

* В.Молотов, согласно Ф.Чуеву, до конца своей долгой жизни твердил, что необходимо готовиться к третьей мировой войне, которая неизбежна (Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1992).

** Zaslavsky V. The Soviet System and the Soviet Union...

*** Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. М.; Харьков, 1995.

нением исторической памяти, — совершенно новое явление, свидетельствующее о постепенном укреплении гражданского общества. Вместе с тем эта деятельность происходит в атмосфере почти полного безразличия, если не враждебности со стороны населения и государства, как если бы общественное мнение предпочло забыть свое прошлое, избежать принятия ответственности за покорность и бездействие, с каким оно выносило государственное насилие, столь распространенное и столь длительное. Можно сказать, что процессы в историографии и в исторической памяти населения разнонаправлены и что растет разрыв между, с одной стороны, постоянным ростом исторического знания и, с другой — укреплением (на уровне массового сознания) тенденций к мифологизации советского прошлого, к равнодушию перед сталинскими преступлениями или к их сознательному забвению, сопровождаемых враждебностью и негодованием перед результатами исторических исследований.

Сравнительное изучение "политики памяти" и различных методов преодоления наследия тоталитаризма в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе только началось, но оно уже дает интересные результаты. В зависимости от характера политической элиты страны можно идентифицировать две траектории посткоммунистической политики: либерально-демократическая траектория, персонализируемая чешским президентом В.Гавелом, и неонационалистическая, воплощенная среди прочих главой сербского правительства С.Милошевичем^{1*}. В.Гавел в ряде программных выступлений сформулировал позицию личной и коллективной ответственности за прошлое: "Все мы, свыкшиеся с системой, являемся одновременно, пусть и в разных масштабах, ее организаторами... Нет никакого смысла рассматривать печальный опыт последних 40 лет как чуждое нам наследство, доставшееся от какого-то дальнего родственника"^{2*}. И президент В.Гавел сделал шаг, абсолютно немыслимый для большинства лидеров посткоммунистических стран и получивший тогда одобрение лишь части чешского населения: он попросил официальное прощение за "абсолютно антиморальное обращение", которому подверглось немецкое население Чехословакии, дискриминируемое и выкинутое из страны в 1945-1946 гг.^{3*}

Наибольший интерес в сравнительных исследованиях посткоммунизма привлекает проблема базового типа личности, нового социально-антропологического типа, порожденного обществами советского типа. Идея, что население этих обществ обладает некоторыми специфическими и глубоко укорененными установками, мотивациями и поведенческими характеристиками, возникшими за несколько десятилетий модернизации советского типа, что источник поразительно сходных типов ментальности и культурных образцов среди населения бывших социалистических стран, которые в остальном резко отличались друг от друга, "находится в их общих социалистических структурах, а не в их идиосинкратических историях"^{4*}, была выдвинута впервые в советской пропагандистской литературе^{5*}, но начала приниматься

1* *Spinelli B.* Il sonno della memoria. L'Europa dei totalitarismi. Milan: Mondadori, 2001. P. 66-68.

2* Цит. по: *Le Monde*. 2000. 30 avr.

3* Письмо В.Гавела президенту Германии Р. фон Вейцзеке-ру от 5 ноября 1989.

4* *Sztompka P.* The Intangibles and Imponderables of the Transition to Democracy // *Studies in Comparative Communism*. 1991. N 3. P. 298.

5* См., например: *Смирнов Г.* Советский человек, формирование социалистического типа личности. 2-е изд. М.: Политиздат, 1973.

всерьез уже в 80-е годы^{1*}. Наиболее фундаментальным исследованием в этом направлении до сих пор остается работа коллектива ВЦИОМ под руководством Ю.Левады^{2*}. Специалисты и западные издательства с нетерпением ждут появления нового издания этой работы, расширенного и обогащенного опытом постсоветского десятилетия. Остается также пожелать группе исследователей ВЦИОМ после новой публикации осуществить переход к сравнительному анализу на более широкой международной основе. Наблюдая, например, феномен "остальгии" (*Ostalgie*, т.е. ностальгии по ГДР) на Востоке Германии или распространенность по всей Восточной Европе позиции, когда респондент оценивает собственное положение как приличное или улучшающееся, но положение страны в целом как катастрофическое, или успех реконструированных коммунистических партий, которые, став элементом демократической партийной системы, стремятся к реваншу и стараются вытеснить социал-демократов и занять их место^{3*}, авторы книги "Советский простой человек" смогут расширить и углубить свои выводы, распространив их значимость на целый регион, и, вероятно, сумеют прийти к некоторым новым заключениям, для которых у них пока нет базы из-за относительной ограниченности российского материала.

В заключение мне хотелось бы отметить, что основной вывод статей Л.Гудкова является бесспорным. Концепция тоталитаризма и тоталитарной системы необходима не только как метатеория и как язык описания и интерпретации нацифашистских режимов и систем советского типа, но и потому, что она дает прочную методологическую основу для анализа и интерпретации сложных общественных процессов в посттоталитарный переходный период.

1* В 80-е годы, когда проведение эмпирических полевых исследований в Советском Союзе и в странах Восточной Европы было затруднительным, работы, посвященные новому социопсихологическому типу личности в обществах советского типа, публиковались на Западе польскими, венгерскими и бывшими российскими исследователями. Упомяну здесь лишь некоторые из них: *Lefebvre V.* Algebra of Conscience. A Comparative Analysis of Western and Soviet Ethical Systems. Dordrecht: Reidel, 1982; *Zaslavsky V.* Il consenso organizzato. La società sovietica negli anni di Brezhnev. Bologna: Mulino, 1982; *Feher F., Heller A., Markus G.* Dictatorship over Needs. Oxford: Blackwell, 1983; Special Issue on East European Social Science // *Social Research*. 1988. Vol. 55. N 1-2; *Stanisz J.* The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe. The Polish Experience. Berkeley: University of California Press, 1991.

2* Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов / Под ред. Ю.Левады. М.: Мировой океан, 1993.

3* Типичным является заявление лидера немецких коммунистов Г.Гизи, что "даже если ГДР и развалилась по своим внутренним причинам, критика ее режима не может исходить от Гельмута Коля. Истинная критика не может не быть социалистической по характеру и может исходить только от нас". Цит. по: *Spinelli B.* Il sonno della memoria. L'Europa dei totalitarismi. Milan: Mondadori, 2001. P. 93.